

ЛЕНИНГРА

РОК

РУБИНШТЕЙНА

13

ЖУР

—

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, как известно – кому-то к счастью, а кому-то, возможно, и к сожалению, – не терпит сослагательного наклонения. Прошлого не вернуть, того, что произошло, не переиграть, хотя иногда минувшие события можно трактовать по-разному. Чтобы увидеть объективную картину былого, лучше всего опираться на свидетельства участников и очевидцев. Желательно, еще и разных. Вот поэтому для историков так ценны летописи, хроники, мемуары, документы, а с середины позапрошлого века и фотографии, которые беспристрастно фиксируют то, что попадало в фокус объектива, иногда даже помимо воли фотографа. Воля и разум иногда действуют поодиночке.

Перебирая гору замечательных снимков, первая часть которых сейчас перед вами, я понял, что многие из них я вижу впервые, хотя запечатленные на них события хранятся и в моей памяти, но – одно дело личные воспоминания, скрытые под пластами более свежих событий и иногда по этой причине коварно меняющие свою сущность, другое – фото как объективный факт. И мне подумалось, что интересно будет совместить одно с другим, так сказать, поверить алгебру гармонией и наоборот.

Валентин Барановский для меня всегда был настоящим профессионалом, человеком, который делает все на «отлично», и неважно, любимая ли это работа, случайный заказ или просто хобби. Снимать он начал школьником, первый опыт приобрел, работая в фотоателье, которое

унаследовало помещение от мастерской легендарного Карла Буллы, окончил факультет журналистики Университета (куда я, как ни странно, тоже думал поступать, но потом предпочел ему физику твердого тела), работал в АПН и в периодике. Его фото я помню по журналам о городе и мире кино – они неизменно обращали на себя внимание благодаря внутренней гармонии, законченности, отчего даже репортажная съемка могла показаться постановочной. Впрочем, одно другому не мешает.

Познакомились мы в кулуарах Ленинградского рок-клуба, куда я сначала ходил слушать старых и открывать для себя новых друзей, а потом стал там работать. Валя, у которого и других дел хватало, появлялся, чтобы запечатлеть для истории то, что ему казалось важным. Теперь ясно, что не казалось, а таким оно и было. Потом мы так же встречались на ленинградской студии грамзаписи «Мелодия» – я записывал и издавал пластинки все тех же друзей, а Барановский помогал делать их обложки. Потом были другие времена и другие события – многие из них еще ждут своего занесения в анналы Истории и, Бог даст, дождутся. Сейчас же хочется вспомнить одну их часть. Кому-то эпизодическую, кому-то сравнимую с целой жизнью. Герои этого тома – те, кто был пионером. Нет, конечно, не они изобрели рок-н-ролл, не они стали его первыми звездами, но они своей фантазией и вдохновением открывали в нем новые страницы, раздвигали творческие горизонты, давая направление идущим следом. События этого тома – те, с которых начиналось многое из того, что дышит жизнью и поныне. Надеюсь, рассказ еще не закончен.

Эта книга – вовсе не летопись и уж тем более не подведение итогов, но объективные кадры с субъективными комментариями, чуть ностальгический рассказ – в лицах, фактах и комментариях к ним – о том, что происходило с нами и вокруг нас не так и давно, чуть меньше полувека назад, но уже стало историей. Такой увесистый кусок жизни.

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ

АКВАРИУМ
ЗООПАРК
ПОПУЛЯРНАЯ МЕХАНИКА
КИНО
МИФЫ
РОССИЯНЕ
ПИКНИК

РОК:

МУЗЫКА И СУДЬБА

Ленинградский рок-клуб – сегодня для многих это словосочетание звучит как волшебное «Сезам, откройся» для Аладдина из восточной сказки, как нечто, таившее за собой уникальные возможности, невероятные сокровища, а то и сакральные тайны. Между тем, когда оно родилось на свет, – родилось в результате долгих поисков, споров, сомнений и компромиссов – оно было лишь констатацией того, чем являлось по факту, а именно возникшим в Северной столице на рубеже 80-х объединением ценителей, поклонников и исполнителей музыки, получившей в мировой практике лаконичное определение рок, что в русском языке имело особый смысл, поскольку «рок» для нас – это еще и судьба. Причем судьба, как правило, нелегкая, а рок-музыке в нашей стране пришлось долго добиваться права на существование. Права на рок, как спел один из ее героев.

Рок-музыка родилась не в России, но, как и другие жанры, встреченные, принятые и абсорбированные отечественной культурой – а это и опера, и балет, и светский роман, и жанровая живопись, – она, сохранив на новом месте привычные формы, наполнила их совершенно особым содержанием. Рок не был ни музыкой бунта, ни сим-

▲
У входа в Дом самодеятельного творчества в день концерта.

волом протеста, хотя порой в нем можно было слышать и бунтарские ноты, и недовольство тем, что происходило вокруг, и желание изменить мир, сделав его лучше, чище и светлее, но не это было в нем главным. Прежде всего рок был голосом поколения. Особенно поначалу.

Сам он начал формироваться во второй половине 50-х в американской глубинке, когда в жизнь там входило поколение, рожденное солдатами, вернувшимися со Второй мировой войны, как его позже назвали, поколение бэби-бума. Вчерашние бойцы стремились окунуться в мирную

жизнь, построить дом, завести семью и детей. Уже в силу этого оно было не только многочисленным, но и обособленным, не связанным тесными корнями с культурой своих предшественников. Плюс - тогда же в мире началась научно-техническая революция: в быту появлялась электроника, стремительно развивалось радиовещание, вошло в жизнь и стало популярным телевидение, а новая техника (причем не только на бытовом уровне) предполагала навыки общения с ней. Это, в свою очередь, повышало требования к образованию, и после школы подростки шли не на фабрику, в забой или на ферму, а в институты и университеты, продолжали учиться дальше, оставаясь среди сверстников и сохраняя при этом относительную свободу. Тогда-то на свет и родился рок-н-ролл, ставший лейтмотивом эпохи и знаком принадлежности к генерации молодых, свободных и жаждущих счастья, как оно им виделось.

В определенном смысле рок-н-ролл оказался современной народной музыкой, ибо вел происхождение из фольклорных источников: пропущенных через фильтр цивилизации этнических песнопений некогда вывезенных за Океан черных рабов, что нашло свое воплощение в джазе, спиричуэл, госпел и блюзе, и песен переселенцев из Европы, на новом месте превратившихся в местную сельскую музыку, кантри. Союз кантри и блюза дал жизнь рок-н-роллу, а имевшиеся почти в каждом доме радио и проигрыватели (чуть позже к ним присоединились магнитофоны) сделали его доступным любому. Рок был паролем, пропуском в новый, манящий мир-праздник, обещавший то, чего не могла дать обыденная

жизнь с ее рутиной. Появились новая мода, иные формы общения, особенная система ценностей – впервые в истории человечества молодежь стала жить по-своему. И все это – опять-таки благодаря радио, телевидению и туризму – начало стремительно разлетаться по всей планете. «Rock'n'roll is here to stay», «Рок-н-ролл пришел, чтобы остаться», спел в 1957-м вокальный квартет «Danny & The Juniors». И попал в точку.

В нашу страну рок-музыка пришла немного позже: у нас и солдаты служили подольше, и раны войны заживались куда труднее, чем в остальном мире, но к середине 60-х волна новой молодежной культуры дошла и до СССР. Официальная советская эстрада все еще балансировала между доверительной лирикой, ведущей свое происхождение от салонного искусства начала XX века, псевдонародной музыкой, возникшей примерно в те же годы (и то и другое у власти особой симпатии не вызывало, но существовало, поскольку было неизбежно), и песенными агитками, чьи функции заключались в восхвалении этой самой власти и мобилизации населения страны на очередные подвиги во имя абстрактного коммунизма, которым как черепаху морковкой манили его кремлевские идеологи.

Была эстрада и неофициальная. Сюда входил и городской фольклор, и тюремный (что в стране, где тысячи людей прошли через лагеря, было неудивительно, впрочем, тюремные баллады занимают достаточно важное место в истории блюза и кантри тоже), и авторская песня, которая как раз начала формироваться в тех же 50-х и по тем же причинам.

Первомайская демонстрация в Ленинграде дошла до Дворцовой площади.

Но и у нас молодым людям, которые вступали в жизнь и искали в ней свое место, как правило, хотелось непременно сохранить свое «я», собственную идентичность, при этом ощущая принадлежность к поколению, иметь что-то созвучное возрасту и времени. Поначалу, правда, продвинутая молодежь (особенно столичная) предпочитала радоваться жизни под импортную музыку – и джаз, и рок-н-ролл – но это было присуще лишь узкому кругу избранных, которых советская пресса заклеймила уничижительным прозвищем «стиляги».

Важную роль сыграл проходивший в Москве (и отчасти во всей стране) с 28 июля по 11 августа 1957 года VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. С его участниками, представлявшими буквально весь мир, в Советский Союз впервые попали пластинки рок-н-ролла, его живые поклонники и исполнители, а с ними актуальная молодежная мода, лишенные ханжества отношения (ну да, было дело) и ощущение внутренней свободы. В СССР была, говоря словами популярного в те годы писателя Ильи Эренбурга, оттепель. Иными словами, время надежд и оптимизма.

Прошло еще несколько лет, прежде чем ветры перемен, все сильнее задувавшие сквозь изрядно проржавевший железный занавес, занесли на волнах пиратских радиостанций и вражьих голосов то, что и в самом деле изменило сознание миллионов. Это была музыка группы «The Beatles». За прошедшие со времени ее появления на сценах мира шесть десятилетий об этом феномене сказано немало: статьи, книги, энциклопедии, спектакли, фильмы, даже сериалы. И этот поток не иссякает.

Безусловно, битлы были талантливыми музыкантами, но едва ли не главное, что они показали: даже не имея соответствующего образования, виртуозной техники, солидного опыта, но объединив свои возможности для совместного творчества и с толком используя это, можно добиться многого. Почти случайно найдя новый способ сочинения музыки и ее подачи, «The Beatles» открыли дверь в мир, куда за ними устремились сотни тысяч поклонников и последователей по всему свету. Их музыку называли биг-битом, так что с середины 60-х новое поветрие: собирать бит-группы, чтобы исполнять песни битлов, а потом – чем черт не шутит – и самим сочинить что-то в подобном ключе, охватило все страны и континенты, за исключением, разве что, Антарктиды. В историю это время вошло как битломания.

РОК-Н-РОЛЛ НА САДОВОЙ

Вспоминаю детства старый двор,
Каменный колодец, а на дне
Прыгает, катится мячиком рок-н-ролл,
Маленьким мальчиком он остается во мне

Евгений Леонов («Кочевники»). «Мячик»

Когда я задумал написать первую статью об истории нашего рока и начал расспрашивать тех, с кого она начиналась, то заметил: биографии едва ли не всех рок-музыкантов, стартовавших в 60-е, начинаются почти стереотипно: «В таком-то году я услышал «The Beatles» и понял, что хочу делать то же, что и они»... Разумеется, самостоятельные группы, исполнявшие импортную и местную поп-музыку (а под термином «поп» понималось все, что выходило за рамки официальной эстрады), в Питере существовали и до прихода битломании – они озвучивали танцевальные вечера, свадьбы, юбилеи, праздники и т.п. – но до этого воспринимались как примитивная форма джаза, к которой ценители жанра относились с пренебрежением. «The Beatles» джазмены тоже не оценили, но уже было поздно.

«Это случилось в 1966 году, – вспоминал основатель одной из первых в Питере бит-групп «Мифы» Сергей Данилов. – Те, кто не жил в это время, вряд ли поймут, что тогда делалось. Все были просто влюблены в битлов. Девушки покупали их цветные фотографии. Парни меняли внешний облик а la Beatles, половина мальчишек кинулась изготавливать себе гитары-доски, как их тогда называли. Появились у наших одноклассников магнитофоны. Все услышали «The Beatles» и пришли в восторг. Вот то, что нам нужно! Это музыка для нас. Телевидение, наше телевидение, показывало кусочки из фильма, снятого на концерте «Beatles»! Показывали то, как они получают ордена от королевы Елизаветы! Я сам это видел!»

Первое рок-поколение было пестрым по составу: в него входили очарованные новой модой школьники, молодые джазмены, стремившиеся держаться на гребне музыкальной волны («Авангард-66», «Дилетанты»), студенты музыкальных училищ, которым хотелось опробовать на практике полученные знания («Сноморохи», «Лира»), и студенты-технари, которым образование позволяло обеспечить себя как инструментами, так и аппаратурой: усилителями, процессорами, обработкой звука. Свои музыкальные сцены возникли во всех институтах города, но на первых порах главными среди них были Военмех («Q 67», «Аргонавты», «Фламинго», «Галактика»), Технологический («Арсенал», «Кондор», «Бобры»), Электротехнический («Ладушки», «Белая Комната», «Генерал-бас») и Политехнический («Возрождение», «Аэлита», «Красное и Черное»). Нет нужды пояснять, что группы возникали буквально в каждом заводском и подростковом клубе, школе, а то и в классе, при жилконторах, домах и дворцах культуры.

Тогда же в городе появились молодежные кафе: «Эврика» на Охте, «Белые Ночи» на Садовой, «Ровесник» на Вы-

боргской стороне, где бит-группы, чередуясь и неизбежно конкурируя, представляя новинки мировой поп-сцены или собственные творения и вербуя первых поклонников. Поначалу власти, озабоченные тем, чем занять массу молодежи, смотрели на это сквозь пальцы и даже одобряли. Юных адептов биг-бита брали под свою опеку возникшие немного раньше джаз-клубы. Во второй половине 60-х состоялось несколько вполне легальных конкурсов бит-групп, в частности, в клубе «Канат» и в том же «Ровеснике». Наиболее масштабным из них стал смотр музыкальной молодежи, который затеял известный джазмен, бывший кларнетист оркестра Леонида Утесова Орест Кандат. Конкурс шел всю весну 1969 года и закончился масштабным гала-концертом в зале Гидрометеорологического института. Его главным открытием стали «Кочевники», которые представили на суд зрителей и жюри программу собственных песен на родном языке. Их автором был одаренный музыкант, поэт и художник Евгений Леонов.

Еще через пару лет, весной 1971 года, когда рок-музыка от простодушного трехминутного бита перешла к более сложным и технически изощренным формам, а сама она вошла в повседневную жизнь, хотя так и не обрела взаимопонимания с культурой официальной – понимая, что добиваться чего бы то ни было можно только вместе, молодые музыканты Питера предприняли отчаянную попытку объединиться, создав первый неформальный творческий союз, Поп-федерацию. Ее духовным лидером стал Коля Васин, человек, с юных лет беззаветно полюбивший «The Beatles», отдавший всю жизнь тому, чтобы приобщать к их музыке других, получивший посылку с подарками от Джона Леннона и создавший посвященный группе уникальный домашний музей. Она успела провести романтическую прогулку на туристском теплоходе по Неве, пару сугубо нелегальных, но удачных концертов с приезжавшей к нам из братской еще Польши группой «Skaldowe» и еще несколько мероприятий, но к концу года была ликвидирована властями, никоим образом не желавшими слышать того, что было сделано не по их указке.

Все 70-е рок-музыка провела в подвешенном состоянии. Группы играли на танцплощадках города и области, представляли собой костяк студенческой самодеятельности, участвуя в ее ежегодных фестивалях («Весна в ЛЭТИ», «Весенние Ритмы» в Политехе, «Весна на Лоцманской» в Кораблестроительном), а также в районных, городских и даже всесоюзных конкурсах, где пытались совмещать свое видение мира с официальными требованиями. Музыка приносила радость, но отнимала силы и время. У тех, кто рассматривал ее прежде всего как работу, выбор был невелик: ресторанные ансамбли, где контроль над репертуаром был не особо жестким, но сам он отвечал теме общепита, то есть был танцевально-развлекательным, или ВИА, которые давали твердый заработок и некоторую популярность, но о творчестве там можно было забыть. Да в Ленинграде и ВИА было немного. Создатели самого этого жанра, «Поющие Гитары» во главе с гитаристом Анатолием Васильевым, по мере сил приобщали слушателей к новинкам мирового рока (часто дополняя импортные хиты нейтральными текстами на русском, чтобы избежать цензурных ограничений), примеряли на себя все новое, что он предлагал, а позднее нашли себя на театральных подмостках, поставив свои-

ми силами нашумевшие рок-оперы «Орфей и Эвридика», «Фламандская легенда» и «Гонки». Кроме них жанр ВИА в северной столице представляли откровенно эстрадная «Калинка», сопровождавшие популярного эстрадного певца Анатолия Королева «Веселые Голоса» и выросшие из бит-группы «Авангард-66», а позже перебравшиеся в Москву «Добры Молодцы».

Но рок-музыканты – народ упорный. Следующую попытку объединиться они предприняли в начале 1979-го, когда за дело взялись «менеджеры» – так на сленге тех лет называли организаторов сэйшенов, нелегальных или полунелегальных выступлений рок-групп. Для них вопрос легализации рока стоял особо остро, поскольку ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность – а именно под эту статью подпадало то, чем они занимались, – была весьма суровой. Объединение получило неудоваримое, но при этом устроившее всех название Экспериментальный клуб-лаборатория популярной музыки. Его выступления проходили в кафе «Северянка», занимавшем второй этаж стандартного торгового центра на окраине города, в присутствии представителей Ленконцерта и Дома самодеятельного творчества, который по традиции отвечали за досуг граждан страны, чем бы они его не заполняли. А рок-музыкой, как считалось, советская молодежь могла заниматься только в свободное время. Увы, и эта попытка окончилась ничем: власти не рискнули дать добро музыкальной вольнице, а менеджеры, деля шкуру еще не убитого медведя, зашли в тупик собственных амбиций.

Тем не менее еще через пару лет желания низов и возможности верхов совпали. Все началось с того, что осенью 1980 года «Аргонавты», которые тогда играли на танцах в ведомственном ДК «Невский» в промзоне на берегу Невы, решили отпраздновать свое пятнадцатилетие – срок немалый для самодеятельной группы. Круглая дата выпадала на следующую весну, но к ней надо было готовиться. За разрешением сделать это легально участники группы отправились в Межсоюзный дом самодеятельного творчества. Немногим раньше директором этой профсоюзной организации стала Анна Александровна Иванова, женщина, от рок-музыки далекая, но готовая рискнуть. Именно тогда она и предложила любителям рока регулярно собираться на подведомственной ей территории, обмениваться опытом и знакомить с ним соответствующие органы.

Не стоит забывать, что год был олимпийским, в Москве только что прошли – не без политических проблем, но и не без спортивных успехов – XXII Олимпийские игры, в преддверии которых столичные власти решили проблему музыкального андерграунда, позволив уйти в профессионалы, сохраняя при этом собственный репертуар, сливкам московской рок-сцены, «Машине Времени» и «Високосному Лету» с «Викторией» (которые дали жизнь «Автографу» и «Рок-Ателье»). В Питере профессионально рок играли разве что собранный из обломков ВИА «Форвард» и состоявшие тогда на службе в Тульской филармонии «Савояры» (бывшие «Кочевники»).

Ленинградские власти пошли другим – и как показало время, более интересным – путем. На протяжении 1981 года в городе были созданы «Клуб 81», объединивший писателей и поэтов, чье творчество не вписывалось

в узкие рамки социалистического реализма, но при этом не было диссидентским, и Товарищество экспериментального изобразительного искусства (примерно то же самое, но для художников и скульпторов). Будущий рок-клуб закрывал еще одну брешь в великой стене, разделившей официальное и неофициальное искусство.

Трудно сказать, с чем пришлось столкнуться Анне Ивановой, чтобы согласовать свою идею с вышестоящими инстанциями, но в музыкальном сообществе она вызвала бурную и неоднозначную реакцию. Там были прожженные подпольщики, выступавшие против любых контактов с властью, и закоренелые идеалисты, считавшие, что рок, как церковь, должен быть отделен от государства, но более трезво и практично мыслящая часть музыкантов и организаторов концертов тоже решила рискнуть. И оказалась права.

31 января в Белом зале ЛМДСТ, Межсоюзного дома самодеятельного творчества на ул. Рубинштейна, 13 состоялась встреча его администрации и активистов от рок-движения. Было много споров, аргументов, фактов, теорий, доказательств, но в итоге стороны не без взаимного опасения приняли решение сотрудничать. Так, собственно, на свет и родился Ленинградский рок-клуб, хотя сама эта формулировка появилась немного позже.

ПО СУББОТАМ Я ХОЖУ В РОК-КЛУБ...

По субботам я хожу в Рок-клуб.
В Рок-клубе так много хороших групп.
Я гордо вхожу с билетом в руке,
И мне поют песни на родном языке.

Майк Науменко
(«Зоопарк») «Песня простого человека»

Первые шаги Клуба любителей современной музыки (поначалу слова «рок» его участники на всякий случай осторожно избегали) были неровными. Невзирая на нехватку опыта и возможностей, ему приходилось решать множество вопросов: кто войдет в его состав, на каких принципах принимать новых участников, где взять аппаратуру, чтобы озвучивать концерты (сам ЛМДСТ таковой не располагал), и когда они будут проходить, как печатать и распространять билеты, каким образом строить отношения с другими концертными залами, городами и организациями... Дом самодеятельного творчества обеспечил форму, то есть обязался два-три раза в месяц предоставлять свой зал для проведения концертов, позволять каждый месяц проводить общее собрание клуба, обеспечивать его афишами и приглашительными билетами, а также выделил ему куратора (сначала это была Надежда Борисова, потом Наташа Веселова). Рок-клуб, со своей стороны, брался наполнить эту форму приемлемым содержанием.

За пару месяцев, прошедших после учредительного собрания, стихийно родившийся Совет клуба провел

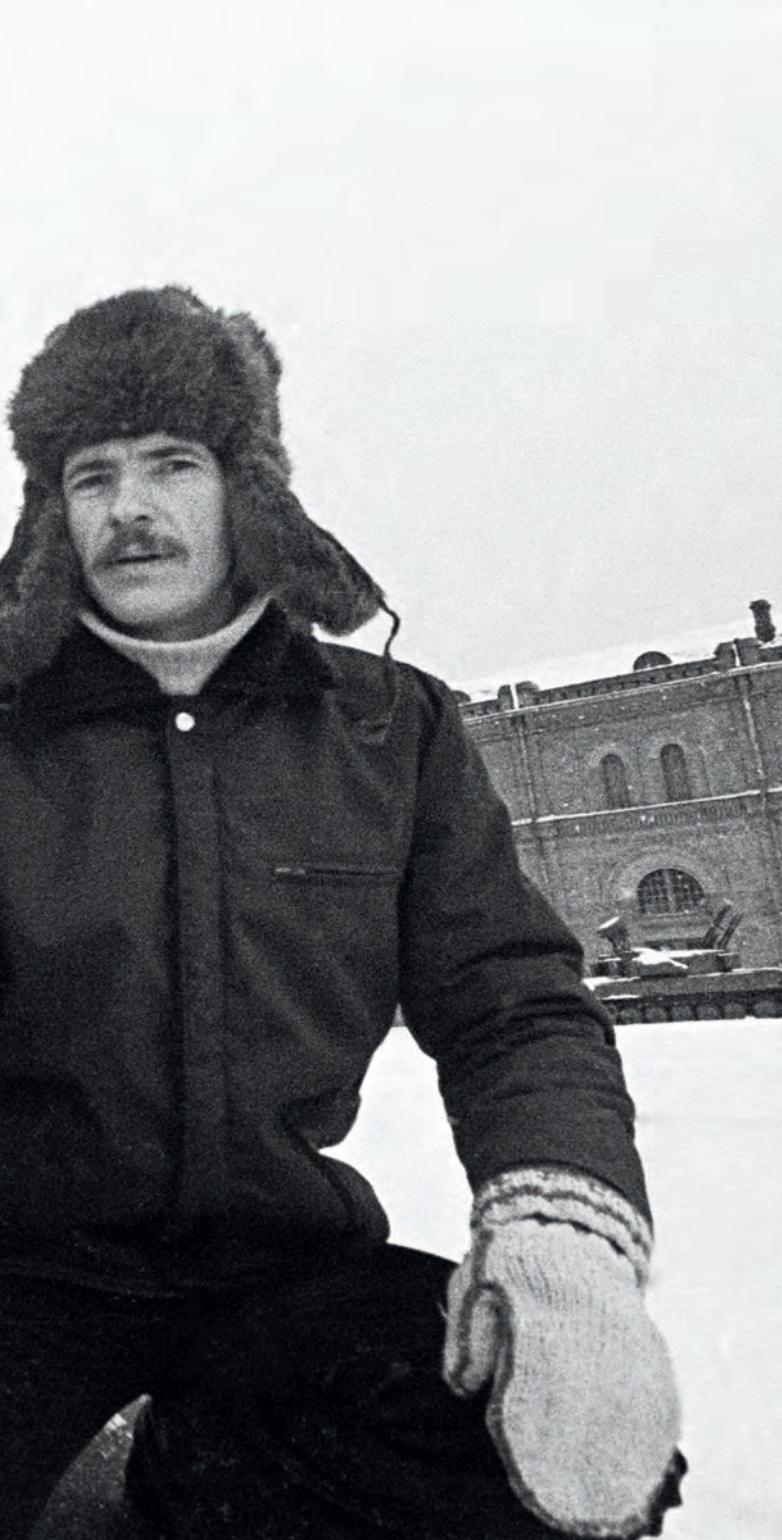
▲
**Андрей Тропилло и «Мифы»: Гена Барихновский,
Сергей Данилов, Сергей Петров.**

множество заседаний и так сумел выработать алгоритмы, позволившие ему войти в рабочую колею. Его состав и за это время, и позже не раз менялся, но заметную роль в нем играли участники «Аргонатов», «Дилижанса», «Джонатана Ливингстона», «Мании», «Мифов», «Пикника» и других популярных групп.

Первым председателем Совета, за которым сразу закрепилось звание президента, стал Гена Зайцев, не музыкант, но поклонник, собиратель и популяризатор

питерского рока уже много лет занимавшийся продвижением идей, так или иначе связанных с мировым рок-сообществом, в частности движения хиппи. Год спустя его сменил бывший флейтист «Пикника» Коля Михайлов. Надо отметить, что своим успехом Ленинградский рок-клуб был обязан в том числе и тому, что в его руководстве всегда встречались представители разных сфер деятельности: не только музыканты и организаторы концертов, но и инженеры, звукорежиссеры, журналисты, музыкальные критики.

Уже 21 февраля в ЛМДСТ прошло первое прослушивание будущих участников клуба. В нем участвовали «Зеркало», «Пикник», «Россияне», «Мифы», «Фризби», «Амальгама» и «Гулливер». Первые четыре группы, выступавшие

уже не первый год и успевшие обзавестись солидной аудиторией, были отобраны для первого официального концерта, намеченного на 7 марта 1981 года в большом зале ЛМДСТ. Большим, конечно, его можно было назвать с оговорками – он имел всего пятьсот пятьдесят мест – но для групп, до этого игравших пусть и для более широкой аудитории, но в экстремальных условиях, и это было крупным достижением. Открытие состоялось, прошло без эксцессов, собрало соответствующую аудиторию, вызвало бурю энтузиазма, но и породило вопросы.

Почти сразу стало ясно, что для элиты подпольной сцены, тех, кто сделал имя на сэйшенах и уже вкусил сладких плодов славы, пусть и в узких кругах, Рок-клуб сделать ничего не мог – он изначально был построен на

некоммерческой основе, а тем, для кого музыка уже стала не только призванием, но и профессией, это было не особо интересно. У основ Рок-клуба стояли «Аргонавты» и «Дилижанс», но первые, проведя в том же мае юбилейный концерт у себя в ДК «Невский», к концу года разошлись в разные стороны, правда, сохранив связь с музыкой. Вторые год спустя нашли работу в Магаданской филармонии, надолго укатили из родного города и в итоге растворились в пестрой филармонической карусели. Среди тех, кто блистал на подпольной сцене конца 70-х, были «Земляне» (ввиду того, что их именем в ту пору воспользовалась в филармонии другая группа, они вынужденно сменили его на «Атлас»), «Орнамент», «Кронверк», «Какаду», «Гольфстрим», «Барокко», «Фрам», «Меломаны». Все они появление Рок-клуба заметили и даже пытались с ним сотрудничать, но в итоге отошли в сторону.

Им на смену из студенческих и заводских клубов, красных уголков, ЖЭКов и подвалов хлынула волна начинающих, а иногда совсем юных музыкантов, привлеченная слухами, что «в Рок-клуб берут всех». Брала, конечно, далеко не всех, а лишь тех, в ком видели потенциальный талант. В архиве сохранились десятки анкет групп, от которых в памяти ничего, кроме их названий, не осталось, но иногда один-два человека из них, побывав на концертах клуба, пообщавшись со своими сверстниками и старшими товарищами, шли дальше и таки реализовали выданные им когда-то авансы. Впрочем, это отдельная история.

Рок-клуб же постепенно обживался в родном городе, искал и находил единомышленников. Его концерты рецензировались в статьях самиздатского журнала «Рок-си», с которым сотрудничали и авторы «Клуба 81». Художники из ТЭИИ охотно помогали в оформлении концертов знакомым музыкантам. Что еще более важно, тогда же в Доме юного техника Красногвардейского района Ленинграда начала работать студия звукозаписи, сыгравшая в рождении феномена питерского рока ни с чем не сравнимую роль.

ЮНАЯ ТЕХНИКА НА СЛУЖБЕ ФАНТАСТИКИ

Создал ее выпускник физического факультета Университета, музыкант, звукорежиссер и еще много, кто, Андрей Тропилло. Он родился в Питере 21 марта 1951 года (в один день с Иоганном-Себастьяном Бахом, но на триста с лишним лет позже). Его отец был крупным ученым и изобретателем в области радиотехники, а среди других родственников имелись актеры и музыканты, поэтому в жизни Андрея техника и искусство с юных лет шли рука об руку.

В школьные годы он слушал классическую музыку и мастерил транзисторные приемники, в пятом классе увлекся радиолобительством, а ближе к выпускным экзаменам открыл для себя рок-н-ролл. Определенную роль в его музыкальном просвещении сыграла старшая сестра, которая в то время жила за границей и присылала ему оттуда фирменные записи и пластинки. В 1968-м Тропилло поступил на физфак, начал общаться с рок-музыкантами,